

КОНЦЕПТ СВОБОДЫ В СЕМАНТИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ ПУТИ/ДОРОГИ

© 2018 С.Ю. Горшков

Горшков Сергей Юрьевич, учитель истории. E-mail: gorchkov.s@mail.ru

Школа № 78 имени Героя Советского Союза П.Ф. Ананьева. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 26.02.2018

Представление о свободе в русской философской культуре остаётся обособленным, несмотря на признание важности европейских метафизических изысканий. Концепт остаётся в пределах философского дискурса, что позволяет выявить ментальное культурное своеобразие. Метафизика и феноменология утопают в абстракциях и не рассматривают человека в культурном контексте, для русской философии свобода – это значимый ментальный элемент, на основе которого формируется духовно-нравственный фундамент. Репрезентация свободы с позиции метаязыка преодолевает вербальный и понятийный пределы и выявляет изначальные архетипические модальности. Указанные координаты – элемент векторной иллюстрации, в них свобода не противопоставляется, а интегрируется, трансцендентная глубина (путь) и феноменологическая линейность (дорога) соединены единым смыслом. Эту же схему мы наблюдаем и в отечественном концепте свободы. Свобода духа интегрируется с концептом свободы воли при помощи символа.

Ключевые слова: образ, свобода, символ, метаязык, архетип, репрезентация.

Критическое переосмысление устоявшихся лингвистических концептов сопровождается пересмотром фундаментальных констант антропометрической картины мира. Долгое время роль метаязыка в процессе познания незаслуженно недооценивалась из-за становления первичного языка науки, но с развитием когнитивной семантической теории он оказался востребованным для описания языка культуры. Вопросы семиотики посвящали свои труды такие учёные, как Р.О. Якобсон, Р. Барт, А. Греймас, К. Леви-Стросс, У. Эко и т.д. В советской науке интерес к структурно-семиотике пробуждается в 60-е г. Одним из основоположников отечественной структурно-семиотической школы был Ю.М. Лотман (1922–1993), находившийся во главе Тартусско-Московской школы. Для тартусской школы, культура – открытая знаковая система, включающая кроме естественного языка множество других знаковых систем, которыми являются, в частности, все виды искусства.

Метаязык – это проводник в архетипическую образную реальность, он позволяет проявить и дополнить онтологическую нищету метафизического небытия. В европейской метафизике он востребован для прояснения и описания онтологических оснований, следовательно, его применение можно считать оправданным в прояснении «априорных культурных оснований».

В когнитивной лингвистике метафора занимает не периферийное, а центральное место. Переоценка роли метафоры в гносеологии стало

неизбежным явлением XX в., из художественного тропа она превращается в эффективный инструмент познания. Долгое время метафора незаслуженно оставалась в тени научного знания, что привело к недооценке её познавательных возможностей. Метафора – это продукт языкового и предметного синкретизма, проводник из небытия в мир репрезентативных образов. Её связь с системой носителей языка позволяет определить специфику ментального представления. Раскрытие философской проблемы с помощью некоего «новоязыка» – это новый этап в развитии философской культуры [1, с.15]. С позиции метафорического «переноса» мы уже не говорим о предмете, а репрезентируем его, преодолевая понятийный и лингвистический предел представлений. Метафора указывает на многослойность бытия, открывая дискурс о символических формах, указывая не на феноменологическую линейность, а на глубину трансцендентального представления, разрушая первоначальную конституцию образа и понятия.

Метафору и символ объединяет образ. Метафора – это проводник в мир образов, а образ – базис, над которым надстраивается и символ, и знак. Символ, в сопоставлении с приземлённой метафорой стремится обозначить вечное и ускользающее, то, что считается подлинной реальностью, он скрыт за образом, но к нему не сводим. Если метафора углубляет понимание первичной реальности, символ уводит за её пределы, указывая на глубокий трансцендентный

смысл [2, с. 352]. «Природа символа – уникальное единство бытия и небытия; символа нет ни в одной из его форм; бытие его в метаморфеме, т.е. в переходе форм» [3, с. 117]. Символу сопутствуют «высокие смыслы», а образ ассоциируется с объектом любого уровня. Если образ перед глазами, то символ над нами. Он играет роль моста из рационального мира в мир трансцендентальный, выражая сущность запредельного иномирия. Символ унаследовал власть от образа, трансформировав её в социальную или культурную функцию. «Он всегда есть знак в аспекте своей морфемы, но не всякий знак есть символ в смысле наличия метаморфемы. Символ, будучи модальной категорией, проявляется в знаке как таковом гипотетически, но к нему несводим» [3, с.96].

Концепт свободы в философской культуре, преодолев метафизический предел, окончательно увяз в феноменологическом редуцировании. Метафизика предлагает нам рассматривать свободу как необходимость, а феноменологический подход как свободу воли, но ни тот, ни другой подход не преодолевает диалектического противоречия. Философская абстракция свободы преодолевается за счёт дополнения культурным содержанием. «Не существует «метафизического человека», а есть человек-в-культуре» [4]. Свобода с позиции языка культуры широко представлена в христианско-религиозных и литературных текстах. Для нас они являются источниками образов, укоренённых в ментальном сознании.

Раскрытие невидимого понятийного горизонта укоренившегося в отечественном архетипе реализуемо, через семантическую (образную) координацию, как условного метафорического приёма. В нашем случае перенос вынужденная мера, как общая схема накладываемых, но непесекаемых представлений. Взятые семантические координаты – искусственный перенос представлений, они задают не понятийный и не лингвистический предел свободы, а разнонаправленный вектор априорных культурных репрезентаций, отражающий корреляционную систему трансцендентального и реального (предметного), символического и знакового. В метафоре один и тот же объект может принадлежать разным классам, не порождая противоречия. Если «жизненный путь» сакрален и указывает на косвенный трансцендентный глубокий смысл, согласуется с нравственным поиском, то «свобода воли» делает разговор предметным (знаковым). Свобода в трансцендентальном

смысле (символическом) востребована в нравственно-духовном и творческом векторе: свобода воли как знаковая проекция на человека – в философии права. Человек интуитивно порождает то, что его освобождает и добровольно подчиняется ему, но это не означает, что оно реально. Символ притягателен, но всегда условен в практическом отношении. Он остаётся вечным указателем и не в силах сделать человека свободным в Абсолюте. Изначально воля – желание, побуждающее к действию, свободная воля не освобождает, а указывает на выбранную цель. Человек блуждает между добром и злом, поэтому ему нужны указатели (знаки, законы) чтобы не оступиться. Освобождать способен только символ, заключающий в себе «функцию освобождения», через путь усмирения разрушительной воли. Без ментальной конституции понимание свободы теряет всякое конкретно-историческое содержание [4].

Соотнесение концептов свободы и воли остаётся в границах философской дискуссии. Если в европейской философской культуре за основу берётся свобода воли (*liberty*) (Августин бл., И.Г.Фихте, А.Шопенгауэр), то в русско-христианской философской традиции они разводятся до противопоставления (Г.П.Федотов, Н.А.Бердяев). Для русской философской традиции вопрос имеет духовные основания, а не правовые. В связи с этим необходима репрезентативная схема представлений, снимающая диалектическое противоречие. Концепт свободы оказался востребован в христианской средневековой культуре, он явился яркой альтернативой царству природной причинности и государственному принуждению. Имя концепта «свобода» в отечественной культуре связано, с одной стороны, с принадлежностью к кругу своих, с другой стороны – с выделением себя как личности. Имя воля синхронизируется с концептом свободы не сразу, «русская воля», освобождаясь от закона, порождает произвол [5, с. 223]. О приравнивании статусов свободы в западно-европейской и русской традиции не может быть и речи: изгнание свободы из сферы онтологии в европейской традиции приводит к её материализации в сфере этики, политики, юрисдикции. Лишаясь метафизического, свобода наполняется инструментальным содержанием [6, с.90].

Русский культурный архетип сформировался на периферии двух культур – Востока и Запада. Его своеобразие заключается в православно-византийском наследии [7, с.142]. Христианство,

преодолев «языческий произвол», развернуло человека вглубь себя, открыв через символы веры богатый духовный мир. Символ свободы оказался востребованным в средневековой культуре, в которой он сочетается с концептом спасения души. Не νόμος (закон), а церковь наделяется функцией освобождения, как альтернативная сторона природному и государственному диктату. Изначальное духовное несовершенство человек способен искупить, следуя добровольному принятию веры во Христа. Это и есть свобода во Христе – «путь спасения». Одним из важных компонентов русского культурного архетипа является любовь к свободе и высшему её выражению – внутренней свободе. Отечественный менталитет тяготеет не к правовому нормативному, а к нравственному идеалу. Трансцендентальная «свобода духа» глубже закрепились в отечественном ментальном сознании, чем свобода воли. Эта особенность заложена отставанием правовой культуры в России. Неслучайно, что концепты свободы и воли пересекаются в моменты контактов с Западной цивилизацией. Европейская цивилизация несёт закон и порядок, но для русского человека он не осознаётся преградой. Воля для русского человека слепа, так как порождает произвол (бунт).

В русской культурной традиции свобода понимается как осознанный выбор добра и связывается с искуплением греха. Но что лежит в основании духовно-нравственной свободы возведённой в идеал? Это изначально признание хрупкости человеческой души и несовершенство человеческой природы. Без свободы невозможно преодолеть собственную изменчивую природу. Свобода в русском архетипе есть только транзитное средство, символический путь восхождения к Абсолюту, в том числе и к абсолютной свободе, которая возможна лишь в ладу и единстве с Богом. В своем идеале новый человек – это сверхчеловек Иисус Христос, своим воплощением восстановивший поврежденную грехом человеческую природу. «Обычный же, так называе-

мый нормальный человек в действительности духовно ненормален. Он глубоко подвержен действию страстей, искажающих его душу и его деятельность, важнейшей задачей общества является создание такой нравственной и правовой атмосферы, которая не только ограничивала бы развитие этих болезней человека, но и способствовала их исцелению» [8]. Языческая культура была отброшена как не отвечающая запросам исторического развития. На её фундаменте возникла новая средневековая культура с собственной евангелисткой символикой. Свобода - это символ, подчиняющий сознание, мы не свободны, но создаём то, что нас освобождает. Символ свободы востребован в кризисные минуты при смене культурных мировоззренческих парадигм.

Вывод: Исследования в области структурной семантики спровоцировали переворот в гносеологической традиции. Метаязык позволяет снять накопленные диалектические противоречия через структурный синтез ментальных структур. Концепт свободы укоренён в русском культурном архетипе и подчёркивает его своеобразие. Свобода всегда была в центре внимания отечественной интеллигенции, нацеленной на выявление уникального пути развития государства, притягательным культурным символом, отражающим суть эпохи романтизма. Её не обошли стороной не славянофилы, не революционные народники. Отечественная литература и русско-христианская философия неустанно поднимает вопрос нравственной свободы. Изначально в отечественном культурном архетипе концепт свободы укореняется не с прагматической стороны (дорога), а с духовно-нравственной (путь). В ходе культурных взаимодействий с европейской культурой концепты «свобода» и «воля» были синхронизированы в отечественной культуре. Мы наблюдаем свободную дорогу, но убедимся в этом в конце пути. С этой позиции свобода не достигается, а переживается, что сближает её с символической формой.

1. Малышев, В.Б. Архитектоника воображаемого: фентези-проекции изначальных модальностей европейской культуры. Самара, Изд-во СамНЦ РАН, 2015. 187 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. М., Изд-во Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Свасьян, К.А. Проблема символа в современной философии (критика и анализ). Ереван, Изд-во АН АрмССР. 1980. 226 с.
4. Пилипенко, А.А. Свобода в культуре // Культура культуры. 2014: <http://cult-cult.ru/a-a-pelipenko-svoboda-v-kulture>
5. Антология концептов: в 2-х томах / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, Парадигма, 2005. Т.1. 352 с.
6. Лотман, М. Структура и свобода (из заметок о философских основаниях тартуской семиотической школы) // Slavica Tergestina 4 (1996), Trieste, С.90

7. Федотов, Г.П. Россия и свобода // Новый Град. Сб.ст. / под ред. Ю.П. Иваска, Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1952. 377 с.
8. Осипов, А.И. Свобода христианина, свобода церкви и религиозная свобода в православном понимании // Церковь и время, №1(8), 1999: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/svoboda-hristianina.html>

THE CONCEPT OF FREEDOM IN THE SEMANTIC COORDINATES OF THE PATH/ROAD

© 2018 S.Yu. Gorshkov

Sergey Yu. Gorshkov, history teacher. E-mail: gorshkov.s@mail.ru

School No. 78 named after the Hero of the Soviet Union P.F. Ananyev. Samara, Russia

The idea of freedom in Russian philosophical culture remains isolated, despite recognition of the importance of European metaphysical research. The concept remains within the philosophical discourse, which allows to identify the mental cultural identity. Metaphysics and phenomenology are drowning in abstractions and don't consider human, in the cultural context for the Russian philosophy of freedom is a significant mental element, which is formed by the spiritual and moral Foundation. Freedom representation from the metalanguage perspective overcomes verbal and conceptual limits and reveals the primordial archetypal modalities. The specified coordinates are the element illustration submissions, when the, freedom is not opposed, but integrates transcendental depth (path) and phenomenological linearity (road) are connected by a single point. This same pattern we are seeing in the national concept of freedom. The freedom of the spirit integrated with the concept of free will with a character.

Keyword: way, freedom, symbol, metalanguage, archetype, representation.

1. Malyshev, V.B. Arhitektonika voobrazhaemogo: fentezi-proekcii iznachal'nyh modal'nostej evropejskoj kul'tury (The architectonic of the imagined: fantasy-projections of initial modalities of the European culture). Samara, Izd-vo SamNC RAN, 2015. 187 s.
2. Arutjunova, N.D. Jazyk i mir cheloveka (Language and world of a person). M., Izd-vo Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
3. Svas'jan, K.A. Problema simvola v sovremennoj filosofii (kritika i analiz) (Symbol problem in modern philosophy (criticism and analysis)). Erevan, Izd-vo AN ArmSSR. 1980. 226 s.
4. Pilipenko, A.A. Svoboda v kul'ture (Freedom in culture). *Kul'tura kul'tury*. 2014: <http://cult-cult.ru/a-a-pelipenko-svoboda-v-kulture>
5. Antologija konceptov: v 2-h tomah (Anthology of concepts: in 2 volumes) / pod. red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Volgograd, Paradigma, 2005. T.1. 352 s.
6. Lotman, M. Struktura i svoboda (iz zametok o filosofskih osnovanijah tartuskoj semioticheskoj shkoly) (Structure and freedom (from notes about philosophical foundations of the Tartu semiotics school)). *Slavica Tergestina 4* (1996), Trieste, S.90
7. Fedotov, G.P. Rossija i svoboda (Russia and freedom). *Novyj Grad. Sb.st.* / pod red. Ju.P. Ivaska, N'ju-Jork, Izd-vo im. Chehova, 1952. 377 s.
8. Osipov, A.I. Svoboda hristianina, svoboda cerkvi i religioznaja svoboda v pravoslavnom ponimanii (Freedom of the Christian, freedom of church and religious freedom in orthodox understanding). *Cerkov' i vremja*, №1(8), 1999: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/svoboda-hristianina.html>